

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА БЕЛОУСОВА

старший научный сотрудник
Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”» (Ясная
Поляна, Российская Федерация)
helenyaspol@yandex.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ТОЛСТОГО

А н н о т а ц и я . В статье рассмотрено не исследованное ранее творчество Н. Н. Толстого, старшего брата Л. Н. Толстого. Его рассказы «Охота на Кавказе» вызывали положительные отклики у современников. Л. Н. Толстой восхищался его гениальным даром и неоднократно писал об этом. Внимание к духовной жизни человека – главная особенность эстетического кредо Н. Н. Толстого, которая созвучна основной проблематике творчества Л. Н. Толстого. Во время службы на Кавказе Н. Н. Толстой записывал истории людей, с которыми его сводила судьба. Этот материал был положен в основу рассказов «Охота на Кавказе» и повести «Пластун», в которых писатель изобразил свойственную каждому человеку борьбу со страстями. В «Охоте на Кавказе» события в виноградном саду имеют аналог с притчей о призванных рабочих в третий, шестой и одиннадцатый час (Мф. 20:1–16). Последняя глава рассказов – «История Саип-абрека» – завершается ногайской сказкой о ястребе, созвучной с притчей о блудном сыне. С наибольшей полнотой мотив этой притчи раскрыт Н. Н. Толстым в повести «Пластун». Там же есть описание детского сна главного героя, в аллегориях которого угадываются образы Апокалипсиса. В последние месяцы жизни Н. Н. Толстой перевел на русский язык по Библии Лютера 28 глав Книги Бытия и Книгу Иисуса Навина, акцентируя особое внимание на переводе ветхозаветных пророчеств о грядущем Мессии и Боговоплощении. В описании Л. Н. Толстым предсмертного стремления князя Андрея Болконского не расставаться с Евангелием увековечена духовная подготовка старшего брата ко встрече с вечностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Н. Н. Толстой, Л. Н. Толстой, аксиология, духовная жизнь, исповедь, охота, притча, блудный сын, Библия, М. Лютер

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белоусова Е. В. Евангельские мотивы в творчестве Н. Н. Толстого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.642

ВВЕДЕНИЕ

Николай Николаевич Толстой – старший брат Л. Н. Толстого, писатель, неизвестный в литературных кругах, скончавшийся в возрасте 37 лет в 1860 году. Единственное произведение, напечатанное в журнале «Современник» при его жизни, в 1857 году, – рассказы «Охота на Кавказе». В 1926 году в журнале «Красная новь» была опубликована незаконченная повесть из кавказской жизни «Пластун», в 1987 году, спустя 130 лет после первой публикации, в Туле во второй и последний раз переиздана «Охота на Кавказе». В этом же сборнике появился «Пластун» и впервые увидели свет незавершенные охотничьи очерки «Весенние поля» и «Заяц». Человек как образ Божий, как часть социума и природы – такова основная идея творчества Н. Н. Толстого, пронизавшая все четыре его произведения.

Одним из главных достижений Н. Н. Толстого является изображение психологических про-

цессов, происходящих в душе человека. Поэтика творчества Л. Н. Толстого и Н. Н. Толстого во многом сходна своей психологической глубиной. Отличительная черта художественного отражения жизни в произведениях братьев Толстых состоит во внимании к «диалектике» души человека, причем у Н. Н. Толстого наблюдается характерная черта его эстетической концепции: среди персонажей его произведений нет безусловно положительных героев, однако вера писателя в то, что человек может преодолеть свои пороки и достичь нравственной чистоты, придает психологизму Н. Н. Толстого особенность, проявляющуюся в умении разглядеть душу человека в ее идеально-возвышенном состоянии.

Творчество Н. Н. Толстого соотнесено с библейской и святоотеческой традицией, которая с наибольшей силой обнаруживается в лирическом пафосе описаний природы, исповедальном

характере размышлений героев, философских авторских обобщениях.

* * *

Охота была страстным увлечением братьев Толстых с молодости. С особым упоением она захватила их на Кавказе. Об этом свидетельствуют многие страницы дневника Л. Н. Толстого той поры. Например, 30 августа 1852 года Л. Н. Толстой записал: «Ходил с Николинькой на охоту. <...> Ходил в сады и за бекасами!»; 17 сентября появились такие строки: «Шел охотой из Кизляра в Старогладковскую» (46; 141). Эти лаконичные записи можно рассматривать как зародыш колоритных сцен охоты в садах, запечатленных вначале в «Охоте на Кавказе» Н. Н. Толстого, а затем в «Казаках» Л. Н. Толстого.

Сады в равнинных предгорьях Чечни – это одно из мест охоты. «Смело можно сказать, что едва ли есть уголок в свете, где бы можно было пользоваться такими удобствами на охоте, как в кизлярских садах осенью, во время уборки винограда»², – писал Н. Н. Толстой. Сбор винограда на Кавказе, впечатляющий обилием и колоритом даров земли, взлелеянной руками человека, никогда не оставлял равнодушным человека. Виноград, его спелые гроздья, хозяин и работники в винограднике подробно представлены в книгах Ветхого и Нового Заветов и имеют много символических значений: виноградная лоза – это образ всего, что сильно, красиво, полезно; ухоженный виноградник – символ мира и благополучия. После Рождества Христова образы плодов, ветвей винограда и виноградного сада обогатились новозаветным смыслом:

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой Виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. <...> Я есмь Лоза, а вы ветви, кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15:1–2, 5).

Н. Н. Толстой на страницах рассказов «Охота на Кавказе» запечатлел такую поэтическую картину:

«Кругом вас, справа, слева, спереди, целое море винограда, – и ничего больше, кроме винограда. Зелени не видать. <...> Воздух прозрачен до такой степени, что вы, кажется, видите, как разливаются по нем волнообразные лучи света» (29).

Человек – непосредственный участник в этом пире природы, и читателю слышится

«то однообразная песнь ногайца, который <...> лениво топчет мешки с виноградом голыми ногами <...> то повелительный голос тамады, который по-армянски или по-татарски отдает приказания своим разноплемен-

ным работникам; то веселый женский смех или звонкое, несколько визгливое пение казачек, которые режут виноград в ближайшем саду» (29).

Осенью 1852 года в творческих планах Л. Н. Толстого возникают первые замыслы будущих «Казаков». Сохранилось около 250 листов черновых вариантов произведения, но только в последнем варианте, датированном 1862 годом, появилась сцена в виноградном саду, аналогичная изображенной Н. Н. Толстым в «Охоте на Кавказе»³. Брат Николенька скончался в 1860 году, и писатель в последней редакции «Казаков» решил увековечить памятные для него дни кавказской жизни, проведенные с братом, и воссоздать его живописный сюжет из «Охоты на Кавказе».

При наличии многих похожих деталей изображения братьями Толстыми сбора урожая в «Казаках» и в «Охоте на Кавказе» повествователи тем не менее придавали разное идейно-художественное значение этим сценам. Осознание, «созревание» любви Оленина к Марьяне показано на фоне созревших плодов; яркость красок природы соответствует внутреннему состоянию главного героя.

Эстетика сада в мировосприятии Н. Н. Толстого иная и распадается на две составляющие: сад – часть охотничьего пространства, единое целое с миром растений, зверей, птиц. Тут же писатель изображает сад в другом, надмирном качестве:

«Вы идете по прекрасной, чисто выметенной и усыпанной песком дорожке, или стоите в тени огромных фруктовых деревьев. Превосходные спелые плоды: груши, персики, абрикосы, бергамоты, сливы качаются на ветках, и вам стоит только протянуть руку, чтобы сорвать их» (29), –

эти строки, родившиеся в поэтической душе Н. Н. Толстого, воспевают сад, похожий на тот, который предстал пред очами Мцыри, героя одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова: «Кругом меня цвел Божий сад...»⁴.

Создатель таких садов – Господь, Которому Его творения возносят песнь хвалы: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103:24).

Помимо различного смыслового значения сада в упоминаемых произведениях братьев Толстых, есть и некий общий контекст, открывающийся читателю: вневременный и независимый от конкретного пространства – морально-философский. В повести «Казаки» земля, отдающая щедрые дары человеку, превращающему труд их собирания в яркий праздник, – это

образ *мира*, Вселенной, как она задумана Творцом. Этот *мир* «отрицает войну, потому что содержание и потребность мира – труд и счастье, свободное, естественное и потому радостное проявление личности, а содержание и потребность войны – разобщение людей, разрушение, смерть и горе» [4: 107]. Сад-*мир* – это материализованный ответ Л. Н. Толстого на тайну, написанную Николаем в детстве на Зеленой палочке: «Как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы» (34; 386). Но детская мечта Толстых о вселенском братстве до тех пор не могла объединить «под всем небесным сводом всех людей мира» (34; 387), пока вокруг этого оазиса радости и благополучия была война, часто вторгавшаяся и сюда:

«Хозяева садов очень довольны, когда у них охотятся: так как в садах, часто по нескольким дням, скрываются абреки, то присутствие хорошо вооруженных людей и, кроме того, хороших стрелков, в некотором роде, обеспечивает хозяина сада» (30), –

такую повседневную деталь кавказского конфликта Н. Н. Толстой помещает в финал своего описания.

Морально-философское содержание «садового» сюжета Н. Н. Толстой усиливает и евангельским смыслом. Созданный им сюжет с виноградником, его хозяином и работниками имеет аналог с притчей о призванных работниках в третий, шестой и одиннадцатый час (Мф. 20:1–16). В винограднике на окраине Кизляра, изображенном в «Охоте на Кавказе», работники «одиннадцатого часа», то есть те, кто не перенес «тягость дня и зной» (Мф. 20:12), – это охотники, в числе которых и автор очерков. «Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых» (Мф. 20:8). Все, пришедшие в Небесный сад, получают равное воздаяние; подобное происходит и в садах на Тереке:

«Во время уборки винограда, в каждом саду непременно застанете хозяина. Все кизлярские, обыкновенно, перебираются в сады. Вообще, они очень гостеприимны, но в эту пору, окруженные изобилием плодов земных, когда урожай винограда обещает хорошие барыши, с особенным радушием принимают каждого» (30).

Эта небольшая деталь – хозяин виноградника, радушно встречающий всех в своем саду, отсутствующая в подобном сюжете повести «Казачи», придает виноградному саду Н. Н. Толстого символический образ мира как Царства Небесного,

как братства всех людей, независимо от конфессиональных различий.

В «Охоте на Кавказе» имеется еще одна яркая художественная аллюзия, перекликающаяся с евангельской притчей о блудном сыне. Остро сюжетный конфликт «Истории Саип-абрека», являющейся последней, седьмой главой рассказов, завершается эпилогом – ногойской сказкой о ястребе⁵ [2], в иносказательной форме повествующей обо всех перипетиях судьбы Саипа и ее печальном итоге:

«У одного охотника улетел ястреб-гнездарь в лес, где жили его братья и отец. Вечером сел он на дерево вместе с братьями, а когда проснулся ночью, то увидал, что братья его все отлетели от него и сидели на других деревьях. Утром он рассказал об этом старому ястребу. “Верно, они боятся твоих бубенчиков”. Молодой ястреб оторвал бубенчики и вечером опять сел на одно дерево с братьями: но те по-прежнему отлетели от него, и молодой ястреб опять рассказал старику. “Верно, они боятся твоих путлиц”. Оторвали путлица и опять сел с братьями на дерево; но ночью, когда молодой ястреб проснулся, братьев его не было с ним. Тогда он заплакал и полетел далеко в чужой лес... Эту сказку рассказал Саипу отец, когда он приехал к нему» (67–68).

Сказка Саипа заканчивается тем, что ястреб улетел, потому что братья им гнушались. Саип уходит в чужие края после того, как отец прогнал его, и продолжает свои преступные похождения. «Бачка старый человек, умный человек: у него много в башке!» (68) – подводит он итог своей исповеди. В этих простых словах не только любовь и уважение к мудрому отцу, но и признание своей вины, близкое к покаянию. Саип не попадает в объятия отца, подобно евангельскому блудному сыну, но получает хороший урок, и читателя не покидает ощущение, что абрек найдет возможность искупить свою вину. Это остается за пределами рассказов «Охота на Кавказе», но в их последних строках есть небольшой символический намек на это: «Саип-абрек положил дров в камин и развел огонь. Веселое пламя разгорелось и осветило саклю. Тяжелое впечатление Саипова рассказа исчезло во мне» (68). Вспыхнувший в камине огонь мгновенно изменяет отношение автора к рассказу Саипа: не случайно Н. Н. Толстой называет пламя «веселым». Таким определением он намекает на иной, сакральный смысл этого образа: тема огня как символа присутствия Божия, как преобразующей и очищающей силы постоянна в Священном Писании. Такой подтекст эпилога «Истории Саип-абрека» подает надежду, что падшая душа пройдет через «огненное искушение» (1 Пет. 4:12) и возродится к полноценной жизни.

С наибольшей яркостью и полнотой мотив евангельской притчи о блудном сыне раскрыт Н. Н. Толстым в незаконченной повести «Пластун», над которой он работал одновременно с «Охотой на Кавказе» в первой половине 1850-х годов. В основе рассказа Запорожца о похождениях молодости отчетливо слышен мотив ухода «на страну далече» (Лк. 15:13). Композиционная форма большей половины повести – о юности и молодости героя построена так, что в центре внимания оказывается конфликт совести с силами зла – основой всех набегов и краж, в которых прошли эти эпохи жизни Запорожца. С ранней поры он был убежден, что Бог милостив и «не мог сделать ни несчастья, ни зла»⁶, что землю «Бог создал для их (то есть людей. – Е. Б.) счастья. <...> А несчастье и зло сделали сами люди» (93). Запорожец пришел к таким выводам эмпирическим, опытным путем, после того как его жизнь уклонилась очень далеко от всех моральных норм. Это убеждение о милосердии Бога и о человеке как источнике зла, разрушающем душу, выстрадано Запорожцем, и все его повествование о прошлом пронизано этим убеждением, что придает рассказу исповедальный тон. В основе рассказа Запорожца о своей жизни лежит желание не просто поведать слушателю о приключениях, но излить душу, освободиться от давящего ее греха. В силу неопределенных понятий о христианстве и о церковных Таинствах, в том числе о Таинстве покаяния, он не мог прийти в храм на исповедь. Он находит другой путь духовного очищения – откровенный рассказ о своем нравственном падении.

Помимо средств художественной изобразительности, в сравнении с «Охотой на Кавказе» доведенными в повести «Пластун» до наивысшего мастерства, талант Н. Н. Толстого раскрылся здесь и в наличии глубокого философского и нравственно-психологического контекста, сопутствующего всей сюжетно-образной системе повести. Главная авторская мысль имплицитного фона «Пластуна» – война в окружающем мире порождает ответный бунт и злые инстинкты в человеческой природе; человек ищет в природе мир и покой, но в ней царят те же законы грубой силы и уничтожения более слабых, что и в мире людей; силы природы восстают на человека, не имеющего мира в своей душе.

Один из наиболее красноречивых художественных образов бунта природы против человека и в то же время олицетворенного изображения разрушительной бесовской силы, созданных Н. Н. Толстым в «Пластуне», – это табун диких лошадей. Помимо мастерства изображения ди-

намичной картины скачущих коней, этот образ является иносказательной формой уверенности автора в том, что силы природы мстят человеку, вносящему диссонанс в установленный Богом Промысел о мире.

Во время охоты на лис главный герой, имевший прозвище Волковой⁷, сталкивается с табунном диких коней:

«Впереди несся жеребец, фырка и взвизгивая, подняв голову, вытянув шею, разметав гриву и хвост. Я ударил лошадь плетью, она поскакала, но дикий жеребец и за ним весь табун догоняли меня. <...> Все ближе и ближе скакал за мною бешеный жеребец. Я чувствовал его влажное и жаркое дыхание, чувствовал, что он несколько раз уже хватал меня за плечо зубами. <...> Бешеное животное ударило передними копытами по седлу <...>. Больше я ничего не помню; я упал на спину, небо кружилось у меня в глазах, я умирал!» (113–114).

Такой трагичный финал юности героя был предсказан ему в детском сне, наполненном выразительными образами и символами. В детстве главный герой, имевший прозвище Зайчик, видел сон: он превратился в «маленькую птичку плиску»⁸ (74), которая летит на спине большого журавля. В кавказском фольклоре перелетные птицы, к которым относятся плиска и журавль, – «образ бесстрашия, удалства, геройства» [3: 280], а журавль в мифах многих народов означает Божью птицу.

«Мы летим через горы и внизу видны люди, маленькие и черные, как мыши; они роются в земле и достают золото и серебро и бросают в нас золотыми монетами, но монеты разлетаются в золотую пыль, и мы летим дальше и пролетаем ущелье между снежных гор. <...> Мы летим через море, и море прозрачно, как стекло, и в нем гуляют рыбы в огромных дверцах⁹ из жемчуга и дорогих камней. И вдруг налетает белый сокол и бьет журавля, и я падаю, падаю... и просыпаюсь» (74–75).

Побег от земли к небу – так выражено одиночество мальчика на земле и стремление покинуть мир людей, похожих на мышей. Копание «черных людей» в земле, золото и серебро в их руках – бесовская алчность и стремление к наживе. «Не собирайте себе сокровищ на земле <...> Но собирайте себе сокровища на небе <...> Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21), – в таком Евангельском смысле надо понимать рассыпающиеся в пыль сокровища, ничего не значащие для людей с чистыми душами. Но злоба людская по отношению к таковым настолько сильна, что они готовы уничтожить чистоту любыми средствами, в том числе и соблазном богатства. Видение Зайчиком прозрачного, как стекло, моря имеет аналог в Апокалипсисе Апостола и Евангелиста Иоанна

Богослова: «И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (Откр. 4:6), – «это души людей, не волновавшихся бурями житейского моря» [1: 102]. Уже близко подлетает журавль со своей ношей к Обетованному Царству Небесному, где «гуляют рыбы в огромных дворцах из жемчуга и дорогих камней», – это христиане в раю: рыбы с первых веков христианства означали учеников Христовых. Сокол, убивающий журавля, и падение мальчика-птички вниз пророчески означают будущее героя, его разбойничью жизнь.

Короткая жизнь Н. Н. Толстого завершилась вдали от Родины, в курортном городе Йере на юге Франции. Умирая от чахотки, он не переставал писать, но жанр творчества был иным: он занялся переводом ветхозаветных книг, который дополнил своими размышлениями и выводами¹⁰. Рукопись этого труда сохранилась. Н. Н. Толстой перевел с немецкого на русский две книги: двадцать восемь глав, то есть большую половину Книги Бытия¹¹ и всю Книгу Иисуса Навина – двадцать четыре главы. Была начата работа над Книгой Судей Израилевых¹². Русского перевода Библии в то время не было, он появился лишь в 1876 году.

«С перевода Лютера», – написал Н. Н. Толстой сверху первого листа своей рукописи Книги Бытия, а на полях перевода Книги Судей Израилевых написано неизвестным почерком на немецком и русском: «Wiesbaden Висбаден». В начале июня 1860 года. С. Н. Толстой привез брата на лечение в термальный город-курорт Зоден, где они прожили три месяца, и над переводом Библии Н. Н. Толстой начал работать там. Упоминание Висбадена, курорта с минеральными источниками в 30 км от Зодена, можно объяснить тем, что братья ездили туда на лечебные воды.

Сорок шесть рукописных листов – это и перевод, и творческий подход к материалу. При его изучении можно отчасти понять цель Н. Н. Толстого: ему было необходимо на родном языке проникнуть сквозь толщу ветхозаветных веков к тайне Боговоплощения. Перевод Книги Бытия до двадцать восьмой главы в таком контексте представляется логически обдуманном: в начале Книги содержится пророчество о грядущем Мессии, именуемое экзегетами «Первоэвангелием»¹³, а двадцать восьмая глава содержит еще одно ясное указание на это.

Всем главам Книги Бытия Н. Н. Толстой дает названия в соответствии с основной идеей каждой главы, некоторые из них пропускает, остальные нумерует по-своему. Шестнадцатая глава лютеровского текста по его счету становится пятой, рядом со своей нумерацией он рисует

портреты Авраама и его служанки Агари, в заглавии выделяет ключевую мысль содержания: «Агарь родит Измаила». В главе указан возраст Авраама – восемьдесят шесть лет, и на рисунке Н. Н. Толстого он изображен маститым старцем.

Чрезвычайно интересна рукопись двадцать четвертой главы, в которой идет речь о поиске рабом Авраама невесты для его сына Исаака. Часть листа оставлена пустой для комментариев и вставок, и внизу на чистой стороне Н. Н. Толстой вписал пропущенный при переводе стих 21: «Он удивился ей и мол[чал] пока не узнает наверное действительно ли Господь ему помогал в его путешествии или нет»¹⁴.

Рукописи дают ясное представление о поиске Н. Н. Толстым предельно точного смысла переводимого текста. В двадцать седьмой главе несколько стихов подвергались переделке. Например, конец двадцать седьмого стиха¹⁵ выглядит так: слово «запах» подчеркнуто и под линией подчеркивания написано «свет мой». Здесь же подчеркнуты слова «запах поля» и ниже – «пахнет полем», которое «благословил Господь», по этому выражению проведена зачеркивающая черта, но ниже снова вписано и подчеркнуто: «Благословил Гос[подь]». Он продумывает различные варианты перевода, оставляет начатые и так торопится записать новые, что не заканчивает слова. Остановив перо на середине слова «Господь», в конце 27-го стиха Н. Н. Толстой в раздумье записывает: «Благословен Господь или кот[орое] благосл[овил] Господь».

Двадцать седьмая глава повествует о благословении Исааком сыновей Исава и Иакова. Тридцать девятый стих¹⁶ – благословение Исава – в переводе Н. Н. Толстого выглядит так: «Вот от тука земли будут жилища твои и не будут увлаж[нять] их росы небесные». Своему варианту Н. Н. Толстой придает дополнительный смысл, отсутствующий у Лютера и указывающий на уничтожение Исааком сына, пренебрегшего первородством. Напротив этого стиха Н. Н. Толстой написал: «У Лютера совершенно противное». После своего замечания он выписал по-немецки часть стиха, вызвавшего его несогласие: «Siehe, da du wirst eine fette Wohnung haben auf Erden»¹⁷. Сравнение противоположных смыслов одного стиха наводит на предположение о том, что, занимаясь переводом, он изучал труды по немецкой библеистике, отличавшейся неортодоксальными концепциями толкования Священного Писания. Его сравнение противоположных смыслов переводов напоминает метод работы Л. Н. Толстого над созданием трактатов «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Критика догматического

богословия» в 1880–1890-х годах. Однако поводы обращения братьев к Священному Писанию были совершенно противоположны.

Двадцать восьмая глава Книги Бытия завершается рассказом о видении Иаковом небесной лестницы, что является прообразом грядущего боговоплощения. На этом месте Н. Н. Толстой завершает перевод первой библейской книги и, минуя все последующее Пятикнижие, сразу переходит к «Книге Иисуса». На первый взгляд, неполное наименование им Книги Иисуса Навина непривычно, но верно: Лютер пользовался греческим текстом, где книга имела название «Иисус». С другой стороны, в таком названии кроется и мессианский смысл, особо усиленный Н. Н. Толстым при переходе от образа небесной лестницы к еще одному ветхозаветному указанию на грядущего Мессию: Иисус Навин, выведший народ израильский из пустыни в Землю Обетованную, есть один из библейских прообразов Господа нашего Иисуса Христа. Именно поэтому Н. Н. Толстой минует книги Закона и погружается в ветхозаветные пророчества.

Книга Иисуса Навина – первая в ряду исторических книг Библии, повествующая о политической и военной жизни израильского народа от его исхода из Египта до возвращения в Землю обетованную. Однако не внешняя сторона повествования побудила Н. Н. Толстого взяться за ее перевод: книга насыщена аллегорическими образами. Так, переход через Иордан народа израильского означает очищение от грехов по пути в Царство Божие; семь ханаанских племен, теснивших израильтян, есть прообраз семи смертных грехов; обрезание – символ таинства Крещения; семидневное обхождение Иерихона – победа над грехами посредством семи Таинств Церкви; история блудницы Раав – указание на спасение грешников через веру и смирение; жертвоприношение израильтян по пути в Землю обетованную – прообраз евхаристии и т. д.

«Явился Ангел Господень народу» – этим стихом, с которого начинается вторая глава Книги Судей, Н. Н. Толстой завершает свой перевод. В рукописи этот стих написан более крупными буквами, нежели весь предыдущий текст. Н. Н. Толстой намеренно отходит от дословной библейской фразы и приближает свою версию к главному смыслу, ради чего и был им задуман перевод книг Бытия, Иисуса Навина и единственного стиха Книги Судей, – выделить идею ветхозаветной христологии. Ангел Господень – это один из прообразов Сына Божия. У Лютера этот стих географически точен

и не имеет мессианского контекста: «И пришел Ангел Господень из Галгала в Бохим» (Суд. 2:1).

Одни из самых проникновенных страниц описания таинства смерти в мировой литературе принадлежат Л. Н. Толстому. Его произведения содержат ошеломляющие своим трагизмом и вместе с тем духовной высотой совершающегося события изображения перехода души к ее Создателю. В романе-эпопее «Война и мир», частично основанном на автобиографическом материале, нашли отражение сильные жизненные впечатления и страницы семейной жизни, главным из которых в те годы была смерть Николайки на его руках. Брат знал, что идет туда, где «отрет Бог всякую слезу с очей <...> и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откр. 21:4), и там он увидит, наконец, что его детская мечта о соборном братстве – это реальность.

Предсмертная просьба князя Андрея Болконского принести ему Евангелие является гениальным увековечением последних дней любимого брата, создававшего для себя Первоевангелие из ветхозаветных книг. Потрясение от потери вдохновило писателя на создание проникновенных страниц перехода в вечность князя Андрея Болконского:

«– Нельзя ли достать книгу? – сказал он. – Какую книгу?»

– Евангелие! У меня нет. <...>

Он вспомнил, что у него было теперь новое счастье и что это счастье имело что-то такое общее с Евангелием. Потому-то он попросил Евангелие»¹⁸.

«“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!” – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором»¹⁹.

20 сентября 1860 года Н. Н. Толстой скончался. Через три дня Л. Н. Толстой писал тетушке Т. А. Ёргольской:

«Он умер так, как я бы желал умереть, спокойно, кротко и прекрасно. Тут не было священника, и я уверен, что он бы причастился, ежели бы это можно было. <...> Такой кротости и доброты, как последние его дни, трудно вообразить себе. Да и вся жизнь его!» (6; 355).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Короткая жизнь Н. Н. Толстого была целенаправленным стремлением к исполнению Заповедей Блаженств, и первостепенных из них – любви к Богу и людям – он достиг. Немалую роль в этом сыграло его творчество, которое никогда не утратит своего значения благодаря вечным евангельским ценностям, в соответствии с которыми он жил.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 46. С. 140. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ² Толстой Н. Н. Охота на Кавказе // Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. С. 28–29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Это произведение было напечатано в 1857 году в февральской книжке «Современника» благодаря настойчивости Л. Н. Толстого и получило восторженные отзывы Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, В. П. Боткина.
- ⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: АН СССР, 1958–1959. Т. 2. С. 476–477.
- ⁵ Аналогичную, но более трагическую тавлинскую сказку о соколе Л. Н. Толстой использовал в эпилоге повести «Хаджи-Мурат» (35, 102).
- ⁶ Толстой Н. Н. Пластун // Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. С. 93. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ Волковой – еще одно прозвище главного героя, в детстве и отрочестве называвшегося Зайчиком, в молодости – Волковым, в зрелости – Запорожцем.
- ⁸ Плиска – желтая трясогузка, самая маленькая представительница семейства трясогузковых. Ее длина 15–16 см, вес – около 17 г.
- ⁹ Так в печатном тексте. Скорее всего, при чтении рукописи была допущена ошибка и вместо слова «дворцах», что следует из контекста фразы, появилось непонятное «дверцах».
- ¹⁰ В творческой судьбе Л. Н. Толстого подобный отказ от создания художественных произведений и аналитико-переводческая работа над Новым Заветом произойдут спустя двадцать лет после кончины Николеньки. Однако, несмотря на внешнее совпадение этапов творчества братьев, разница состояла в том, что Л. Н. Толстой сознательно искажал Священное Писание, уходя все дальше от его богооткровенных истин в собственные суждения о Слове Божиим, а Н. Н. Толстой переводил с немецкого на русский язык Библию Лютера для того, чтобы через эту работу быть ближе к Спасителю. Уезжая из России на лечение, он не взял с собой церковнославянскую Библию и был вынужден пользоваться ее протестантским вариантом.
- ¹¹ ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 60502.
- ¹² ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 60501.
- ¹³ «И вражду положу между тобой и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15).
- ¹⁴ Синодальный перевод: «Человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его или нет» (Быт. 24:21).
- ¹⁵ «Вот, запах от сына моего, как запах от поля (полного), которое благословил Господь» (Быт. 27:27).
- ¹⁶ Синодальный перевод: Вот, от тука земли будет обитание твое и от росы небесной свыше (Быт. 27:39).
- ¹⁷ Буквальный перевод с немецкого: «Вот, ты будешь иметь хорошее селение на земле».
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 6. С. 396–397.
- ¹⁹ Там же. Т. 7. С. 70.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкий (Таушев Александр Павлович; архиеп. Сиракузско-Троицкий; 1906–1976). Апокалипсис в учении древнего Христианства / Толкование архиеп. Аверкия (Таушева); Ред., примеч., вступ. ст. и жизнеописание авт. отца Серафима (Роуза); Пер. с англ. [Лидии Васениной]. М.: Русский Паломник, 2008. 269 с.
2. Белоусова Е. В. Образ Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова и братьев Толстых // М. Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 18–19 июня 2011 г. Ереван, 2011. С. 30–48.
3. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.
4. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Просвещение, 1987. 176 с.

Поступила в редакцию 23.10.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Elena V. Belousova, Senior Researcher, Leo Tolstoy Yasnaya Polyana Estate Museum (Yasnaya Polyana, Russian Federation)
helenyaspol@yandex.ru

GOSPEL MOTIFS IN THE WORKS OF NIKOLAY TOLSTOY

Abstract. The article examines the unstudied works of Nikolay Tolstoy, the elder brother of Leo Tolstoy. His book of short stories *Hunting in the Caucasus* fascinated his contemporaries. However, there are no studies addressing the talent of Nikolay Tolstoy and the moral and creative influence on his brother. The research novelty and relevance of

attention to the personality of this undeservedly forgotten writer is dictated by the fact that Leo Tolstoy admired his genius and wrote about it repeatedly. Focusing on the spiritual life of a person is the main feature of Nikolay Tolstoy's aesthetic credo, which accords with the main problems of Leo Tolstoy's works. While serving in the Caucasus, Nikolay Tolstoy wrote down the stories of people he met. This material was later used as the basis for the stories in *Hunting in the Caucasus*, as well as for his short novel *Plastun*, in which the writer depicted struggle with passions inherent in human nature. In *Hunting in the Caucasus*, the events in the vineyard can be compared with the parable of the workers in the vineyard (Matthew 20:1–16). The last chapter of his short stories book, “The Story of Saip-Abrek”, ends with the Nogai tale about a hawk, which resonates with the parable of the prodigal son. The motif of this parable is most fully represented in Nikolay Tolstoy's short novel *Plastun*. There is also a description of the main character's childhood dream, which contains somewhat apocalyptic allegories. During the last months of his life, Nikolay Tolstoy translated 28 chapters of the *Book of Genesis* and the *Book of Joshua* into Russian in accordance with the Luther Bible, with a special focus on the translation of the Old Testament prophecies about the coming Messiah and the divine incarnation. In his description of Prince Andrey Bolkonsky's dying desire not to part with the Holy Gospel, Leo Tolstoy immortalized his elder brother's spiritual preparation for eternity.

Key words: Nikolay Tolstoy, Leo Tolstoy, axiology, spiritual life, confession, hunting, parable, prodigal son, Bible, Martin Luther

For citation: Belousova, E. V. Gospel motifs in the works of Nikolay Tolstoy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.642

REFERENCES

1. Averky (Alexander Pavlovich Taushev, Archbishop of Syracuse and Holy Trinity Monastery, 1906–1976). The Apocalypse in the teachings of ancient Christianity: Interpretation of Archbishop Averky (Taushev). (Father Seraphim (Rose), Ed.). Moscow, 2008. 269 p. (In Russ.)
2. Belousova, E. V. Image of the Caucasus in the works of Mikhail Lermontov and the Tolstoy brothers. *Russian and national literatures: Proceedings of the international research and practical conference, June 18–19, 2011*. Yerevan, 2011. P. 30–48. (In Russ.)
3. Dalgat, U. B. Literature and folklore: theoretical aspects. Moscow, 1981. 303 p. (In Russ.)
4. Opulskaya, L. D. Leo Tolstoy's epic novel *War and Peace*. Moscow, 1987. 176 p. (In Russ.)

Received: 23 October, 2020; accepted: 12 April, 2021